Настроение Гарри не улучшилось в последующие дни. Он был любезен со своими друзьями и упорно игнорировал как своих опекунов, которые послали несколько

сов, а Корнелиус даже однажды подошел к школе, так и профессора Люпина. Последний Гарри мог игнорировать только внеклассные занятия, но, к его чести, Люпин

не пытался усложнить жизнь Гарри во время уроков. Вместо того, чтобы остановиться на этом последнем откровении, Гарри попытался отвлечься, бросившись в практику квиддича; Заключительная игра Гриффиндора против Хаффлпаффа быстро приближалась. Однако, несмотря на всю дополнительную практику, Гарри не был

в правильном положении, чтобы играть, когда игра, наконец, прибыла, особенно в такую ужасную погоду. Накануне вечером назрела буря, и пошел проливной дождь, что сделало почти невозможным увидеть стукача. Гарри сделал все возможное, и с его очками, отталкивающими воду - благодаря быстрому заклинанию от Гермионы

- он был лучше, чем он думал, когда проснулся и увидел дождь.

Тем не менее, игра была непростой, и за два часа Гриффиндор забил только три раза, Хаффлпафф ни одного, и не было никаких признаков золотого порхающего мяча. Гарри наблюдал сверху, как его товарищи по команде делали все возможное, чтобы бороться с ветром, Анджелина, Алисия и Кэти медленно пробирались к

стойкам ворот Хаффлпаффа. Анджелина сделала снимок, но независимо от того, сколько она пыталась компенсировать скорость ветра и направление, кваффл просто не пошел туда, куда она хотела. Фред и Джордж также оказались относительно бесполезными, ветер был сильнее, чем даже магия, управляющая дубинками, поэтому обычно быстрые и опасные шары были практически безвредны. Оливеру тоже было трудно, и он держался за одну из стоек ворот, пока не приблизился

кваффл, вместо того, чтобы сражаться со стихией, чтобы оставаться парящим на своем обычном месте. Гарри вздохнул и еще раз огляделся, надеясь увидеть где- нибудь крошечную частицу золота... где-нибудь. Искатель и капитан Хаффлпаффа, шестилетний Седрик Диггори, медленно делал круг на поле, не спуская глаз. Гарри отказался от этого более часа назад и более или менее позволил ветру вести его туда, куда он хотел, он двигал его по полю почти так же эффективно, как если бы он пытался летать.

В конце концов, хотя стукач должен был появиться, и когда это произошло, Гарри взлетел так же быстро, как его Nimbus 2000 взял бы его. Диггори не сильно

отставал, старший мальчик был отличным летчиком, даже на Cleansweep нигде рядом с лигой Nimbus. Впервые с начала игры рев толпы был слышен над проливным

дождем и завывающим ветром, все так же взволнованы окончанием игры, как и победой своего дома. Гарри протянул руку и почти почувствовал, как крылья стукача

трепещут о его пальцы. Стукач летал все выше и выше, пытаясь уйти от него, и Гарри подумал, что это может просто преуспеть, если он пойдет выше, воздух

становится холоднее, чем выше они поднимаются. Гарри потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что холод, который он чувствовал, был вызван не только большой высотой. Его очки начали запотевать, вода, которая затопила его несколько часов назад, превратилась в лед. Раздался крик.

"Нет, не Гарри! Пожалуйста, не Гарри!»

"Отойди в сторону, ты глупая девочка!» Гарри мог почти представить сцену. Он ясно видел свою мать, ее черты лица легко приходили к нему после того, как он много раз смотрел на ее фотографию за последние несколько дней. Он также мог видеть себя младенцем, представляя, как его мать держит его близко и

отворачивается от темной маскированной фигуры, чтобы защитить его своим телом.

"Пожалуйста, не Гарри! Возьми меня вместо этого... Пожалуйста... помилуй, а не Гарри!» Крики продолжались, когда Гарри увидел первый черный ужас в капюшоне. На трибунах Рон протянул руку, чтобы успокоить свою сестру, когда голоса заполнили ее собственную голову.

"Кот... Том, пожалуйста...»

"Я горжусь тобой, маленькая Джинни».

"Пожалуйста, Том...»

«Скоро Хогвартс будет очищен от грязных кровей. Все спасибо вам».

"Нет... нет, Том... Пожалуйста, не делай...» Джинни вытащила свою палочку, этот кусочек силы Тома Риддла глубоко внутри нее ожил, как это было в поезде. На

этот раз, однако, голоса были сильнее, и Джинни знала о нескольких криках, включая ее собственный, смешиваясь со смехом Тома, прежде чем она больше не

знала.

-Г/ГГлаз Гарри открылся, и он судорожно оглянулся, паникуя, чувствуя свою метлу, которая больше не была под ним.

«Легко, приятель». Красно-оранжевое размытие показало, что его очки были надеты на его лицо, его зрение прояснилось, чтобы показать Рона, Гермиону и трех его

товарищей по команде.

«Что... что случилось?» Он застонал, сидя в слишком знакомой кровати.

«Ты упал с метлы». — сказала Гермиона, сев на край своей кровати и взяв руку в свою. "Мы... мы думали, что ты умер!» Она была близка к слезам, от горя или

облегчения Гарри не мог сказать, хотя, вероятно, это было и то, и другое.

«Я имел в виду матч. Кто победил?» Хватка Гермионы болезненно сжималась, ее слезы мгновенно высыхали, и Гарри знал, что позже заплатит за то, что подумал о

квиддиче в такое время. Тем не менее, Гарри смотрел на своих товарищей по команде, три девушки неловко двигались, и он знал. "Мы... потерялись?»

«Диггори получил Стукача». — сказала Анджелина. «Сразу после того, как вы упали. Он не понимал, что произошло. Когда он оглянулся назад и увидел вас на земле, он попытался отозвать это. Хотел реванш. Но они выиграли честно и честно... даже Оливер признает это». — Где Оливер?

«В душе». По словам Фреда, придя вместе с Джорджем, близнецы заняли место Рона, когда их младший брат исчез. «Мы думаем, что он пытается утопиться».

«Никто не обвиняет тебя, Гарри». Кэти настаивала.

«Да, мат. Кроме того, вы никогда раньше не пропускали стукача». — сказал Георгий. «Обязательно был один раз, когда вы не поняли этого».

«И это не значит, что вы даже потеряли его в обычных обстоятельствах». Алисия добавила. «Дементоры не должны заходить на территорию».

«Дамблдор был в ярости». Закончила Гермиона. «Как только Он спас тебя, Он послал их прямо». Однако их слова мало утешили его, и Гарри плюхнулся спиной к подушкам. Трое преследователей задержались всего на минуту дольше, настаивая еще раз, что они не обвиняют Гарри, и они были бы расстроены, если бы он

обвинил себя, прежде чем они отправились переодеваться, все, включая его самого, все еще были в своей форме для квиддича, все еще влажные и покрытые

грязью. Фред и Джордж, однако, не ушли, и с тремя меньшими телами, толпящимися вокруг Гарри, могли понять, почему.

" Джинни!" Он ахнул, вскочил и споткнулся о кровать рядом со своей. Рон, который занял место близнецов рядом с их сестрой, когда они пошли к Гарри, схватил его

за руку и заставил его сесть на стул, прежде чем он упал. — Что случилось?

«Дементоры влияют на нее так же, как и вы, помните?» Теперь, когда Рон сказал, что Гарри помнит, и он чувствовал себя ужасно, думая о квиддиче, в то время как Джинни все еще была без сознания. Однако это чувство длилось недолго. Через несколько минут у Джинни открылись глаза, и после того, как она восстановила

свои позиции, ее первым вопросом было спросить, кто выиграл матч.

"Не ты тоже!" Гермиона застонала. Гарри засмеялся и похлопал Гермиону по плечу, прежде чем передать плохие новости.

«Глупые дементоры». Она зарычала. «Мы должны найти способ остановить их, влияющих на нас так сильно».

«Вы сделали этот белый туман в поезде». Гарри вспомнил внезапно. «Разве это не должно отгонять дементоров? Вы могли бы научить нас!» Джинни покачала головой.

«У меня был взрыв сил в момент паники, и даже тогда я потерял сознание через минуту или две». Гарри вздохнул, но у Гермионы была другая мысль.

«Вы знаете, профессор Люпин также создал Заклинание Патронуса в поезде». Она бросила боковой взгляд на Гарри. «И он отличный учитель». Гарри снова вздохнул, легко распознав ее попытку заставить его снова поговорить со своим псевдо-дядей. К счастью, Гарри знал, что он не может долго злиться на Люпина, и после

сегодняшнего дня он был готов простить, хотя он не забыл. Гарри взял Джинни за руку и кивнул, они молча согласились, что попросят Люпина о помощи.

«И последнее, Гарри». Джордж сказал, как он и Фред толкнули Рона вперед.

«Кровавые трусы». Он пробормотал, глядя на своих старших братьев, прежде чем обратить нервный взгляд на Гарри. «Видите ли, дело в Гарри, твоя метла...» — А как насчет этого? Гарри был смущен, хотя чувство страха начало проникать в него.

«Ну, когда вы упали, он как бы взорвался в Иву». Рон нагнулся и поднял кучу палочек и веток, завернутых в одеяло. «И ты знаешь Иву... он не любит, когда его бьют». Рон отодвинул одеяло достаточно, чтобы Гарри увидел, что это не просто куча палок, которые держал его друг. Там, все еще ярко сверкающий, хотя лес вокруг него был уничтожен, были слова Nimbus 2000. Гарри снова вздохнул.

-Г/ГГнев Гарри на прошлой неделе превратился в печаль, когда Гриффиндор оплакивал их потерю Хаффлпаффу, а Гарри оплакивал свою метлу. Их проигрыш означал, что Хаффлпафф должен был проиграть Ravenclaw с довольно большим отрывом, в то время как Гриффиндор должен был бы обыграть Ravenclaw и Slytherin по крайней мере на сто очков за штуку, чтобы у них даже был шанс на кубок. Единственное, что Гарри ненавидел в междомовом кубке по квиддичу, это то, что в конечном итоге не имело значения, сколько игр вы выиграли или проиграли, все дело было в очках. Однако он предположил, что это разумный способ сделать это, учитывая, что было только четыре команды. Каждый дом играл друг с другом дважды, в общей сложности двенадцать игр в год. Первые шесть игр проходили в период с октября по

январь и были чем-то вроде предварительных матчей, когда команды больше сосредоточились на выявлении сильных и слабых сторон других команд, а не на очках. Тренировки держались в строгом секрете, поэтому в большинстве случаев никто не знал, насколько хороша команда, или как лучше ее обыграть, пока не начались матчи. К концу, однако, они играли против каждой команды и видели, как играют их соперники, и капитаны разработали стратегию того, как наилучшим образом

максимизировать свои очки в финале. Конечно, в случае с Оливером он провел все лето, вырабатывая стратегию, которую он делал каждый год, но в этом году это была не в основном догадка. В этом году в каждой команде было большинство, если не все, тех же игроков, что и в предыдущем году, очень немногие закончили

учебу, поэтому летнее планирование Оливера было основано не столько на том, как он надеялся, что другие команды будут играть после заполнения своих пустых мест, сколько на прошлогодних играх. Это означало, что в каждой игре он точно знал, сколько очков им нужно выиграть, а это означало, что остальная часть команды точно знала, сколько очков им нужно выиграть после того, как Оливер просверлил их. Их проигрыш Хаффлпаффу, независимо от того, что он произошел из- за дементоров, а не из-за превосходной игры, поверг план игры Оливера в хаос, поскольку он изменил все очки.

Гарри недолго оставался озлобленным из-за самой проигранной игры, особенно после того, как Седрик Диггори подошел к нему в Большом зале на следующий день, чтобы извиниться и заверить его, что он пытался провести матч-реванш, хотя мадам Хуч не позволила этого. Если бы такое заявление исходило от кого-то еще, Гарри назвал бы их лжецом в лицо, но Гарри знал, что он совершенно искренен и обнаружил, что он не может злиться на Седрика. Его метла была неожиданным

источником постоянного горя, его верный Нимбус так много значил для него, что он отказался достать еще одну метлу, хотя Фаджеты сказали, что заменят ее сразу после того, как узнают о ее уничтожении. Дементоры, однако, были тем, что разозлило его больше всего. Достаточно,

чтобы не прошло и двух дней после игры, как он остался после урока защиты и спросил Люпина, не научит ли он его и Джинни Очарованию Патронуса. Гарри думал спросить Снейпа. Поскольку мастер зелий уже давал им дополнительную подготовку, имело смысл спросить его, но подталкивание от Джинни заставило его быстро переосмыслить это. После инцидента в поезде Снейп на самом деле думал научить их всему Очарованию Патронуса, особенно после того, как услышал, что Джинни преуспела в его кастинге, хотя и в рудиментарной версии. Их первый шаг, однако, оказался катастрофическим, так как даже Джинни не смогла воссоздать белый туман, и Снейп быстро посчитал

заклинание слишком продвинутым, что не было неправдой, многие полноценные ведьмы и волшебники не могли бросить патронус, и Гарри содрогнулся, думая о том, чтобы попросить Снейпа возобновить такой тяжелый урок. Получив желаемый результат, Джинни не удосужилась упомянуть, что она убедила Гарри спросить Люпина

вместо Снейпа, чтобы заставить Гарри снова поговорить с другом своих родителей.

Люпен, конечно, был более чем рад помочь, и менее чем через неделю после их последней встречи с дементорами Джинни и Гарри оказались в офисе Люпина, перед ними дребезжащий сундук.

«Очевидно, что мы не можем использовать настоящего дементора». — сказал профессор. «Даже если бы Дамблдор пустил кого-то в школу, это было бы не очень хорошей идеей, поэтому на данный момент должно быть достаточно болота». — Правильно. Гарри кивнул, совсем не надеясь снова столкнуться с дементором, даже если технически это был боггарт.

Теперь вы оба знаете, что очарование, которому я попытаюсь научить вас, называется Очарованием Патронуса. Кто-нибудь из вас знает, как работает очарование?» — спросил Люпин, всегда учитель. И Гарри, и Джинни покачали головами. Патронус — это своего рода положительная сила, проекция тех самых вещей, которыми

питается дементор — надежды, счастья, желания выжить, — но он не может чувствовать отчаяния, как настоящие люди, поэтому дементоры не могут причинить ему боль. Из-за этого патронус становится для них барьером или сдерживающим фактором. Дементоры являются одними из самых темных существ в нашем мире. Они

питаются добром, потому что не могут его вынести, само его существование вредит им, и поэтому они хотят устранить его, заменив его отчаянием, которым

наслаждаются. Но патронус — это бесконечный источник надежды и света, и поэтому им очень больно быть рядом с ним и прогонять их». Это имело смысл для них обоих. Ни одно существо, даже темное, не стало бы охотно оставаться рядом с чем-то, причиняющим им большую боль, если бы они могли убежать. «Прежде чем мы

начнем, я должен предупредить вас обоих, что очарование может быть слишком продвинутым для вас. Он значительно выше обычного уровня магии, выше даже

уровня N.E.W.T., и многие квалифицированные волшебники испытывают с этим трудности. Я не хочу, чтобы вы были обескуражены, если вы не можете это

выполнить».

«Джинни уже есть, и я тоже». Сказал Гарри, выражение решимости на его лице. «Это не вариант». Джинни знала причину, по которой это было не так, потому что с ней все было то же

самое: Гарри не мог слышать последние минуты своей матери каждый раз, когда он приближался к дементору до конца своей жизни, и Джинни не могла терпеть смех Тома.

"Очень хорошо." Люпин сказал, что после минуты внимательного изучения их обоих. «Заклинание Патронуса вызывается, как и большинство заклинаний, заклинанием, но оно будет работать только в том случае, если вы сосредоточитесь изо всех сил на одном, очень счастливом воспоминании». Гарри вспомнил о счастливом

воспоминании, конечно, ничего до того, как ему исполнилось семь лет, и покинул Дурсли, так что это должно было произойти позже. Джинни даже не нужно было думать, чтобы знать, какое воспоминание она будет использовать. — У тебя есть память? — спросил Люпин через несколько мгновений, и они оба кивнули. Затем

повторите заклинание после меня: Expecto Patronum."

"Expecto Patronum».» Они послушно повторяли, тренируясь несколько раз, прежде чем Люпин посчитал их произношение достаточно хорошим.

«У тебя все еще остались воспоминания?» Профессор подошел за багажником, готовясь открыть его, а Джинни сделала шаг назад, ибо боггарт стал бы дементором

только в том случае, если бы сосредоточился на Гарри. Они оба кивнули, и Люпен сказал им, чтобы они держали свои палочки наготове, прежде чем отсчитывать от

трех. Ствол раскрылся, и из него поднялся черный ужас, комната мгновенно остыла.

"Expecto Patronum!" Они сказали вместе. Ничего не произошло, и дементор сместился ближе, голоса доносились вместе с ним. "Expecto Patronum!" Они плакали все отчаяннее, надеясь – нуждаясь – держать голоса в страхе. Из палочки Джинни вырвался белый туман, такой же, как в поезде, и на мгновение голоса исчезли, и

холод отступил, когда дементор был остановлен на своих путях. Их отсрочка была недолгой, туман держался всего несколько мгновений, прежде чем исчезнуть. Голоса возвращались, становясь все громче и сильнее, пока они не почувствовали, что чернота ползет вверх, и последнее, что они услышали, было «Riddikulus».

«Вот мы и поехали. Давай, садись». Люпин помог им обоим оторваться от земли. «Я не ожидала, что вы сделаете это в первый раз, и, честно говоря, я поражена, что мисс Уизли справилась с этим».

«Но она делала это раньше». — пробормотал Гарри.

«Да, но это было против настоящего дементора и в ситуации, которую она считала опасной для жизни». Он сказал. «Даже младенцы способны на великие магические подвиги в таких обстоятельствах, о чем свидетельствует сам факт того, что ты жив, Гарри». Гарри все еще не был убежден, что именно он победил Волан-де-Морта в ту ночь, он утверждал, что было что-то еще, о чем никто не знал, но поскольку никто не знал, что произошло в ту ночь, он предположил, что не может полностью исключить это.

«Это один неприятный дементор». Он сказал вместо этого, принимая кусочек шоколада от Люпина.

«О, нет, нет, нет, нет, нет, нет. Это был боггарт, Гарри. Реальная ситуация будет хуже.

Намного, намного хуже». Джинни схватила Гарри за руку, пытаясь предложить даже небольшое количество комфорта. «Интересно, о чем вы оба думали? Какое воспоминание вы выбрали?»

«В первый раз я катался на метле». Гарри сказал, и не только Люпин смотрел на него смешно.

«Ну, это недостаточно хорошо, недостаточно хорошо». — сказал Люпин. «А как насчет тебя, мисс Уизли? Ваша память, кажется, была гораздо более эффективной». Джинни колебалась, украв взгляд на Гарри.

"Я... Я думал о том моменте, когда впервые проснулся и увидел тебя, Гарри, в комнате». Люпин поднял брови. Конечно, он слышал о том, что произошло в прошлом

году, как историю, рассказанную прессе, так и некоторые другие подробности, которые он узнал после возвращения в Хогвартс в качестве профессора. Но он

ничего не слышал ни от кого, кто на самом деле был там. — Когда ты меня увидел? — спросил он, звуча более изумленный, чем следовало бы. — Да. Джинни кивнула. «Это означало не только то, что я был жив, но и то, что Том проиграл. Что ему не удалось поставить василиск на всех маглборнов, что он не

вернулся. Что я не несу ответственности за смерть всех, кого я люблю, плюс сотни других».

«Ты никогда бы не был ответственен за это, Джин». Гарри был так же непреклонен, как и всегда. «Если бы что-то случилось, это была бы его вина, а не ваша».

«Я знаю, я знаю». Это был не новый аргумент, но Это был тот, в котором Джинни все еще не была убеждена. И один Гарри был полон решимости победить. «Несмотря ни на что», — настаивала Джинни, прежде чем Гарри смог начать выступление. «Этот момент, каким бы мимолетным он ни был, является самым счастливым, каким я

когда-либо был». Гарри вздохнул и мрачно кивнул, понимая оба ее рассуждения, и теперь не время перефразировать старый аргумент.

«Это действительно было бы довольно мощно». Люпен согласился. «Тебе понадобится что-то подобное, Гарри». Это заняло мгновение, когда он вспомнил. Была одна

вещь, к которой его разум продолжал возвращаться, но это было сложно, и он отклонил ее раньше из-за этого, желая не усложнять и без того чрезмерно сложное

заклинание. Но, возможно, это было бы нормально.

«У меня что-то есть». Он сказал, наконец, и Люпин кивнул, снова двигаясь за багажником, когда Гарри и Джинни заняли свои места, палочки наготове. Вскоре появился дементор и голоса.

"Expecto Patronum!" Белый туман мгновенно вырвался из палочки Джинни, обеспечив барьер между Гарри и дементором и успокоив крики его матери, позволив ему

сосредоточиться на своей памяти. "Expecto Patronum!" Гарри чувствовал силу внутри себя, и белый туман выстрелил из его собственной палочки, присоединившись к Джинни. Потребовалась вся его концентрация, чтобы сохранить его даже на несколько секунд, и секунды длились до того, как туман исчез, и Гарри споткнулся от усилий даже так много. Его

спотыкание отвлекло Джинни, чей собственный белый туман также исчез, но он больше не был нужен. Когда Гарри отступил назад, боггарт обратил свой взор на человека, который теперь находится прямо перед ним. Глаза Джинни расширились, когда темная фигура с капюшоном стала чем-то

гораздо более визуально привлекательным, хотя и гораздо более темным.

«Джиневра». Она говорила, высокомерная ухмылка именно такая, как она помнила. Джинни упала на колени, ее палочка упала с ее руки, когда она начала трястись, слезы текли от ужаса наполненных и испуганных глаз. В то время как Джинни была обездвижена, Гарри — нет. Его предыдущее истощение исчезло, когда гнев наполнил его. Том не обращал на него никакого внимания, и хотя в глубине души Гарри знал, что это было потому, что это был боггарт, полностью сосредоточенный

на том, кто ближе всего к нему, а не на Том Риддл, все, что видел Гарри, было его врагом, обрушившимся на кого-то драгоценного для него, готового причинить им

боль. Он вырвался вперед, когда его магия сделала то же самое, чувство, похожее на несколько мгновений назад, когда он бросил своего первого патронуса, но там,

где это было постепенное углубление внутри него, когда он целенаправленно использовал свою магию, это было мгновенным и подавляющим, его магия действовала

сама по себе в результате его эмоций.

"Риддикулус!». Гарри заревел. Хотя он произнес заклинание, его разум все еще в конечном итоге знал, что это был боггарт, результат был совсем не таким, как он

ожидал. Он не мог придумать ни одной вещи, которая могла бы сделать Тома Риддла смешным, как того требовала механика заклинания, но даже когда он кричал правильное заклинание, его намерения заключались не только в том, чтобы изгнать боггарта, но и в том, чтобы уничтожить Тома Риддла. Из его палочки извергался

яркий свет, мало чем отличающийся от света патронуса, хотя это был не туман, который исчез через мгновение или два. Свет ослеплял, и крик, который был слышен, когда он касался боггарта Тома Риддла, был бесчеловечным. Когда свет утих, боггарт исчез, хотя и не вернулся в свой ствол, гремя внутри, ожидая, когда придет жертва. Багажник стоял открытым, не показывая внутри пассажира, и Люпин снова был поражен осознанием того, что это значит: Гарри Поттер убил боггарта. Хотя

это и не было невозможным подвигом, убить боггарта было очень трудно, конечно, далеко за пределами мастерства третьего года. Именно поэтому заклинание

существовало, чтобы изгнать его. Боггарты были легко сбиты с толку и, когда их помещали обратно в свое укрытие, они почти всегда довольствовались тем, что

оставались там, пока следующий человек не потревожил их, поэтому не было необходимости тратить столько времени и энергии, чтобы убить одного. Однако в

считанные мгновения Гарри использовал заклинание изгнания так, как Люпин никогда не видел, чтобы оно использовалось.

«Все в порядке, Джин. Это нормально, это нереально». Гарри пробормотал, держа Джинни

близко, его сердце мучилось, когда она снова рыдала на его плече из-за

этого человека. Он ушел, и я не позволю ему снова причинить тебе боль. Загадка, Волан-де-Морт, какую бы форму он ни принял, я не позволю ему причинить тебе

вред». Это было сказано с такой убежденностью, с такой силой и мощью, что Люпен ни на минуту не сомневался в этом. Это не было бормотанием школьника- подростка, хотя технически это было то, чем был Гарри. Это было обещание, обет, данный могущественным волшебником, который убивал боггартов, убивал

василисков и побеждал темных лордов, прежде чем он мог даже говорить. Гарри снова и снова доказывал, что он не обычный волшебник, но способный на подвиги, о

которых другие даже не могли мечтать, и, наблюдая за ним сейчас, в воздухе, все еще наполненном его безудержной магией, у Люпина сложилось отчетливое

впечатление, что мир видел только проблеск того, что лежало под поверхностью одного Гарри Поттера.

http://tl.rulate.ru/book/61573/2342659